

А.И. ГЕРЦЕН И ТЕОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

М.И. ВОЕЙКОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики РАН, г. Москва, Россия,
e-mail: mvok1943@mail.ru

На материале научного и литературного наследия А.И. Герцена в статье рассматриваются проблемы выбора объективно необходимой модели общественного развития России. Подвергается критике теория опережающего развития, основоположником которой был Герцен, и которая была доминирующей концепцией в советском обществоведении. Эта теория опережающего развития и сейчас имеет определенную популярность. Однако Россия сегодня по многим объективным основаниям не может надеяться на опережающее развитие. Актуальная задача состоит в преодолении отрицательных последствий радикального реформирования 1990-х годов и достижения уровня экономического развития ведущих стран мира. Задача состоит в догоняющем развитии, а не в опережающем. Обсуждаются также проблемы теории социально-экономических альтернатив, которая была модной в начале 1990-х годов, и еще сегодня имеет некоторых сторонников. Специально рассматривается цивилизационный подход, который, по мнению автора статьи, отрицает объективный характер экономических законов и по сути дела является квазинаучным. Всем этим теориям противопоставляется теория стадийного развития и объективного характера экономических законов, в равной мере действительных для всех стран и обществ, находящихся на схожих стадиях социально-экономического развития. Делается вывод о стадии капиталистического развития России как объективной характеристики современной модели экономического развития страны, которая, естественно, имеет много отрицательных следствий. Знание и понимание негативного характера капиталистических и буржуазных отношений создает возможность сознательного управления, с целью минимизации отрицательных следствий. Для сегодняшней России это было бы восходящей стадией общественного развития.

Ключевые слова: А.И. Герцен; теория опережающего развития; социально-экономические альтернативы; буржуазная стадия развития

A.I. HERZEN AND THE THEORY OF ADVANCED DEVELOPMENT

MIKHAIL VOYEUKOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mvok1943@mail.ru

The article deals with the problems of the theory of advanced development on the example of the scientific and literary heritage of A.I. Herzen. The theory of advanced development is criticized by the author. This theory was the dominant concept in the Soviet social science, and rather popular today. However, for many objective reasons today's Russia cannot hope for advancing development. Current challenge is to overcome the negative effects of a radical reforms of the 1990s and reach the level of economic development of the world's leading countries. The objective for the country is catch-up development, not advanced one. We also discuss the problem of the theory of social and economic alternatives, which was fashionable in the early 1990s, and has some supporters nowadays. special attention is paid to the civilizational approach, which, according to the author, denies the objective nature of economic laws and is essentially a quasi-scientific. Thus, this approach appears as opposing to the theory of development by stages and rejecting the objective nature of economic laws, equally valid for all countries and societies at similar stages of economic and social development. The conclusion is made that the stage of Russia's capitalist development is the objective characteristic of a modern model of economic development, which, of course, has many negative consequences. Understanding of the negative character of capitalist and bourgeois relations creates the possibility of conscious control in order to minimize negative consequences. For today's Russia it would be a rising stage of social development.

Keywords: *A.I. Herzen; theory of advanced development; socio-economic alternatives; bourgeois stage of development*

JEL classifications: *B1, B24, O1*

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное;
глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего;
глядя назад – шагаем вперед; наконец, и для того полезно перетрясти ветошь,
чтоб узнать, сколько ее истлело и сколько осталось на костях»

А.И. Герцен. Дилетантизм в науке. 1842 г.

Введение

Великого русского писателя, общественного деятеля и социального мыслителя Александра Ивановича Герцена хорошо знают (или знали?) в России. В советское время Герцена изучали всюду и все: школьники, студенты, филологи, философы, историки, экономисты и т.д. Сейчас другое время. Сейчас даже улицу Герцена в Москве переименовали в Б. Никитскую. Герцен сейчас не ко двору. И 200-летний его юбилей в 2012 г. прошел вяло, даже почти не заметно. По крайней мере, в средствах массовой информации по этому вопросу все было как-то тихо и ничего не запомнилось.

Иное дело было в царской России. В 1902 году С.Н. Булгаков, поначалу «легальный марксист», затем теолог и настоятель русской церкви в Париже, такими словами охарактеризовал Герцена: «А.И. Герцен принадлежит к числу наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце» (Булгаков, 2006. С. 538). В 100-летний юбилей Герцена в 1912 году В.И. Ленин писал: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличается революционер Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать... А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза» (Ленин, 1968. С. 255). Сегодня же ни то и ни другое: никакая либеральная грудь не расширяется, никакая фраза не царит и сердце у властвующего класса по этому во-

просу не билось и не бьется. Как будто нет у нас и «либеральной России» и «правой печати». А может быть, и действительно, в сегодняшней России ничего либерального уже нет?

Обратиться же к Герцену в наше время заставляет не обида на нынешние нравы, когда нарочито забывают великих отечественных социальных мыслителей, а действительно серьезный вопрос: устарел ли Герцен за 200 лет или что-то еще «осталось на костях»? Лет 40 или 50 назад можно было бы сказать, что Герцен во многом устарел и осталась лишь добрая память о выдающемся русском писателе и мыслителе, оказавшем громадное влияние на развитие отечественной социальной мысли и художественной культуры. И тогда казались естественными слова А.В. Луначарского, сказанные еще в 1920 году: «Для марксиста Герцен человек своего времени, передовой и великий, но все же дитя своей эпохи» (*Луначарский, 1965. С. 129*). Но сегодня в России закончилось советское время, пришла другая эпоха. Вот какая?

Сегодня Герцен неожиданным образом стал для России чрезвычайно актуальным, как будто вернулось его время. Прежде всего, но не только, это связано с теорией опережающего развития, которая стала модной в некоторых кругах российской интеллигенции. В советский период эта теория была как бы общим местом официальной идеологии. Считалось, что молодая и энергичная страна, вооруженная передовым учением (сначала это был просто марксизм, потом «марксизм-ленинизм») сможет в экономическом и культурном смысле догнать и даже перегнать старые европейские страны. Пикантность ситуации заключалась в том, что из марксизма никак не вытекал такой пассаж, а вот в философских работах Герцена об этом говорилось прямо. И созданная во времена И. Сталина идеологическая конструкция «марксизма-ленинизма», пытаясь объединить народнические представления, основоположником чего как раз и был Герцен, с марксистской фразеологией, обосновывала и пропагандировала именно теорию опережающего развития. Таким образом, теория опережающего развития, которая в сути своей противоречит марксизму, восходит прямо к Герцену. Он первый наиболее ярко и сильно поставил вопрос о месте России в мировой истории и возможности опередить другие страны в главном. Так что теория опережающего развития была главной советской идеологемой.

Вот центральное место теории Герцена, можно сказать, контрапункт его концепции: «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос» (*Герцен, 1954–1964. Т. XX, с. 576*). Действительно, почти все интеллектуальные усилия Герцен посвятил обсуждению этого вопроса. И ответ у него в целом есть – это хорошо. Допустим, это так, хотя изменять «собственному разуму» не очень хорошо и даже плохо. И Герцен это понимает. Так или иначе, понимали это и последующие российские мыслители. Ведь Герцен по сути дела поставил коренной вопрос всей русской общественной мысли: как России вырваться из своей отсталости (из своей «колеи», как ныне модно говорить) и встать вровень с передовыми странами Запада и, может быть, даже в чем-то их опередить? За 150 лет после основных работ Герцена вся общественная мысль России вертелась вокруг этого самого вопроса: как опередить европейские страны? Вспомним, что почти весь советский период наша страна прожила под лозунгом «догнать и перегнать». И динамизм в развитии был, этого отрицать нельзя. Но ведь мы никого так и не обогнали. Тут же напрашивается другой капитальный вопрос: реально ли обогнать передовые европейские страны, получится ли что-то путное из этой торопливости? Вот в чем вопрос. Превратится ли Россия в сырьевой придаток более развитых стран, то есть во второразрядную страну, или же сможет вырваться вперед?

И сегодня этот вопрос актуален. Как России выйти из своей колеи, задаются вопросом современные интеллектуалы. Вот пример. В сентябре 2014 года на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова бы проведен научный симпозиум

«Институциональные проблемы долгосрочной социально-экономической динамики», в рамках которого профессор А.А. Аузан прочитал доклад «Эффект колеи. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез». «20 лет тому назад – говорил А.А. Аузан, – я мечтал написать работу под названием «Парадокс российской бедности» – про страну, в которой есть все, но почему-то нет экономического процветания. Потом экономическая динамика улучшилась, но проблема осталась. И проблема тяжкая, междисциплинарная. Я ее осознал не от американских экономистов, которые получили Нобелевскую премию за постановку path-dependence problem, а от русских философов конца XIX – начала XX века. Я полагаю, что нас ожидают нехорошие времена. Я не очень верю в то, что в краткосрочном и даже в среднесрочном периоде мы можем совершить какие-то прорывы. Но это совершенно не означает, что мы вообще их не можем сделать. Надо набраться терпения. Надо попытаться самим для себя принять долгосрочную ориентацию, потому что без этого вряд ли возможен выход из колеи, а с принятием долгосрочной ориентации, я считаю, он не просто вероятен, а он рано или поздно произойдет» (Аузан, 2014). Вот уже 150 лет после Герцена этот вопрос не дает покоя отечественным мыслителям.

Конечно, Герцен не экономист, но он, как считает Й. Цвайнерт, «внес чрезвычайно важный вклад в развитие политической и наряду с этим экономической мысли в России» и посвятил ему специальный раздел в своей «Истории экономической мысли в России» (Цвайнерт, 2008. С. 185). Но Цвайнерт иностранец и, стало быть, свободен от отечественной конъюнктуры. Правда, в советское время Герцена усиленно продвигали в экономисты, даже в многотомной «Истории русской экономической мысли» под редакцией А.И. Пашкова ему была посвящена большая глава. Я бы не стал включать Герцена в свод русской экономической мысли, ибо ничего экономического у него нет. Хотя, с другой стороны, представить развитие отечественной социально-экономической мысли без Герцена также будет неправильно. Опять противоречие. Более того, из разрозненных замечаний Герцена можно заключить, что он скептически (если не с презрением) относился к политической экономии вообще. Например, он пишет: «правилами политической экономии нельзя заменить догматы патриотизма, предания мужества, святыню чести...» (Герцен, 1954–1964. Т. V, с. 34). То есть патриотизм и честь не совместимы с политической экономией. Политическая экономия по Герцену сугубо мещанская (то есть буржуазная) наука. И по большому счету – Герцен прав. Хотя тут скажем, что сегодня в буржуазной (мещанской) России отодвинули на задворки разом и Герцена, и политическую экономию. Во всем этом, наверное, есть своя закономерность.

Теория опережающего развития

Истинна ли эта теория опережающего развития? Герцен ее высказал и, на мой взгляд, себе во вред. В советское время у большинства обществоведов даже тени сомнения не возникало в ее истинности. Как же, Советский Союз совершил впечатляющий рывок из самодержавной, по существу феодальной России в социалистическое будущее. Капиталистическая стадия если и была, то как-то очень быстро закончилась. Пример СССР вдохновлял многие страны к такому же опережающему развитию. Но теперь-то мы знаем, что конец этого опережающего развития оказался печальным.

Итак, теория опережающего развития. «Естественно возникает вопрос, – пишет Герцен, – должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений» (Герцен, 1954–1964. Т. XII, с. 186). В этой фразе сконцентрирована суть герценовской теории опережающего развития. Корни этой теории в русской интеллектуальной традиции можно искать, наверно, в очень древнем положении о том, что Москва есть «третий Рим», то есть что успешное

продолжение христианской цивилизации связано с Россией. Наибольшую известность этой теории придали славянофилы, которые искали особое место и особый путь для России. Но, наверно, все-таки А.И. Герцен здесь был первым, кто пытался научно обосновать не просто особое место России, здесь он как раз расходился со славянофилами, но лидирующую роль России в европейской цивилизации. По мнению Герцена, Россия может найти особый путь развития к лучшему обществу, перешагивая через ступеньки исторического развития Европы. Герцену удалось, писал В.В. Зеньковский, «построить учение о том, что Россия «может», минуя фазу капитализма, перейти прямо к социальному идеалу. Здесь Герцен открыл для русской мысли очень плодотворную и творческую основу для разных утопических и теоретических построений...» (*Зеньковский, 1991. С. 101*). И эта конструкция Герцена послужила основой для последующих народнических умозаключений и усилий. И не только народнических. Послереволюционный большевизм, собственно, стоял на этих позициях.

От самого начала до конца Герцен был западником. И даже когда стал критиковать Запад, продолжал им оставаться. Как в его столетие писал Л.Д. Троцкий, «народничество, от Герцена ведущее свою родословную, не было отворачиванием от Запада. Наоборот: можно сказать, что народничество наше было не чем иным, как нетерпеливым западничеством» (*Троцкий, 1990. С. 205*). Приведем еще одно мнение, теперь уже современного исследователя: «Герцен сумел синтезировать достижения «западничества» и «славянофильства», создав новую социальную идею, сочетавшую ценности свободы, гуманизма и солидарности, – общинный социализм, или народничество» (*Шубин, 2007. С. 199*). Вот эта новая социальная идея, которая есть ядро народничества, и состоит в теории опережающего развития. На этом вопросе подробно остановимся дальше, а сейчас наметим генеалогию этой теории в наше время.

Следующим этапом в развитии этой теории были народнические построения о переходе к социализму через русскую общину. Так, Н.К. Михайловский писал в 1880 году, что они верили в «возможность непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства» (*Михайловский, 1995. С. 190*). Между прочим, эта вера в то, что стадию буржуазного развития можно проскочить или максимально сократить, прочно сидела в головах и душах многих советских обществоведов. Да и сегодня эта вера, это нетерпение очень популярны. Таким образом, народники (или неонародники), и как показал советский период многие деятели, называвшие себя марксистами, явились прямыми учениками и последователями Герцена.

Марксисты до 1917 года противопоставляли этому взгляду теорию, согласно которой: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»; «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (*Маркс, Энгельс, 1955–1975. Т. 23, с. 9–10*). Эти классические положения марксизма означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические отношения никак не могут появиться на основе зарождающегося капитализма и становления буржуазного общества. То есть для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития экономики и культуры капиталистического общества, которое по сути будет означать, что дальнейшее развитие того и другого, а особенно культуры, уже невозможно в рамках старых (то есть буржуазных) отношений. Г.В. Плеханов писал в конце XIX века: «Социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России» (*Плеханов, 1956–1958. Т. I, с. 103*). И в другой работе, ставя популярный тогда вопрос – «должна» или «не должна» Россия пройти че-

рез школу капитализма, – отвечает новым вопросом: «Почему же бы ей не окончить той школы, в которую она уже поступила?» И далее отвечает: «За капитализмом вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения» (Плеханов, 1956–1958. Т. I, с. 288). Даже В.И. Ленин уже в начале XX века писал: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо» (Ленин, 1968. Т. 3, с. 14).

Итак, согласно марксистской теории получается, что социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. Таким образом, марксисты в отличие от народников до 1917 года единодушно считали теорию опережающего развития несостоятельной. А вот дальше все запуталось, и появилась теория «строительства социализма в отдельно взятой стране», которая явилась как бы практическим приложением герценовской теории опережающего развития.

1917 год и Октябрьский этап Русской революции дали надежду на возрождение интереса к этой теории. Всех волновал вопрос: можно ли от феодализма (понимая его достаточно широко, со всеми национальными и географическими различиями, а не только как узкоевропейскую версию) перескочить куда-то еще в другую сторону? Здесь же заметим, что наука до сих пор не зафиксировала таких перескоков, а утверждает как раз обратное. Социальная наука показывает и доказывает, что всемирная история едина, что все страны при их отличиях и особенностях развиваются по единой траектории, проходят примерно одни и те же стадии развития. И вопрос для России в начале XX века стоял о переходе к буржуазному способу производства, о «развитии капитализма в России», как озаглавил В.И. Ленин свою книгу 1899 года.

Но большевики, когда оказались у власти, хотели строить социализм, а не капитализм. Зачем же тогда было брать власть? В конце концов, родилась теория «строительства социализма в отдельно взятой стране», которая по сути дела порывала с марксизмом и возрождала народнические представления об историческом процессе. Таким образом, без всякого преувеличения можно считать создателем теории «социализма в отдельно взятой стране» не И.В. Сталина, а Герцена. В этот период Герцен оказался очень кстати. Даже начали издавать полное собрание его сочинений в 30 томах (1954–1965).

Такой разворот дела, то есть разговоры и попытки создания социализма в промышленно отсталой стране, породили в некоторых головах взгляд на «глубинную природу социализма вообще» как «результат не зрелого капитализма, а экономической отсталости» (Малия, 2010. С. 168). Отсюда идут бесконечные упреки социализму в варварстве, в деспотизме, в том, что это «дорога к рабству» и т.п. Но эти упреки следует относить не марксизму и марксистскому социализму, а Сталину и его деспотической системе, которую он назвал «социализмом». Да и Герцен, наверное, первым отшатнулся бы от сталинского социализма, хотя именно Сталин общинные нравы и дух общинного коллективизма положил в основу своего режима. И тем самым он полагал возможным опередить в развитии другие страны.

Конечно, жесткий режим политической диктатуры в СССР позволил мобилизовать ресурсы для рывка в экономическом развитии. И за годы советской власти в экономической и социальной областях было сделано много, очень много. Результат был впечатляющий. В СССР была создана мобилизационная экономика, позволившая стране стать второй сверхдержавой в мире за очень короткий отрезок времени. Но в обычный период времени, который наступил, например, в период «застоя» (1964–1985 годы), мобилизационный тип экономики оказался экономически неэффективным. Не было мобилизационной или мобилизующей цели. Опередить развитые страны Запада мы так и не смогли.

Сегодня эта теория опережающего развития завоевала место в трудах современных интеллектуалов, которые считают, что нам, то есть России, совсем не обязательно повторять все извилины долгого пути Запада по дороге капитализма. Можно, воспользовавшись техническими достижениями Запада, некоторыми достижениями советского периода, взять и перегнать западные страны в развитии. Вот, например, мы читаем у современного сторонника этой теории: «На наш взгляд, Россия имеет некоторые шансы на то, чтобы стать одним из оазисов такого опережающего развития. Не стремление к новому «большому скачку», а выход на новый путь к новым целям при помощи новых ... средств – такой смысл мы вкладываем в понятие опережающего развития» (*Бузгалин, 2002. С. 8*). Впервые эту идею А.В. Бузгалин сформулировал на научной конференции 1999 года, где он в сотрудничестве с А.И. Колгановым утверждал: «Стратегия опережающего развития для России – это долгосрочная целевая программа, не более утопичная, чем программа электрификации в нищей, разоренной гражданской войной крестьянской России 1922 года; чем программа превращения в технологическую и экономическую сверхдержаву Японии 1945 года, с ее разрушенной индустрией, деморализованным поражением в войне и ядерной бомбардировкой населения» (*Бузгалин, 1999. С. 25*). А вот что пишет другой современный интеллектуал: «В XX веке Россия стала одной из двух сверхдержав планеты и маяком для большей части человечества. XXI век должен стать веком полного торжества России в духовном отношении. И потому нам предстоит совершить самый большой рывок не только в развитии производительных сил, но и в понимании смысла жизни и целей народного труда» (*Антонов, 2008. С. 411*). Первое высказывание принадлежит стороннику европеизированного направления критического марксизма, второе – стороннику национально-почвеннической тенденции. А по сути, все они повторяют Герцена. Реальна или мало реальна эта теория – будет подробно рассмотрено ниже. Здесь же ограничимся лишь демонстрацией того, что создателем ее является Герцен и что в работах самого Герцена можно найти некоторые подходы к формулировке ответа на этот вопрос.

А сначала рассмотрим вопрос социально-исторических альтернатив более основательно.

Альтернативы истории

«История импровизируется, редко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отпрутятся... кто знает? История не имеет того строгого, неизменного предназначения, о котором учат католики и проповедуют философы» (*Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 32, 137*). Эти слова Герцена как бы говорят, что в мире нет никакой исторической закономерности, история может повернуть куда угодно. Эти слова очень подходят для объяснения концепции социально-исторических альтернатив и оправдания социалистического характера Русской революции 1917 года. И эти слова Герцена добавляют аргументов сторонникам теории опережающего развития. Зачем следовать каким-то историческим закономерностям, говорят они, мы вот выберем правильную альтернативу и опередим всех.

Давайте разбираться. В России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была слабой и не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом, историческим материализмом? Никак. На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 году П.Н. Милюков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического пере-

ворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с «буржуазией», но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок» (Милюков, 2001. С. 207). Эта основная проблема Русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 года, но и после победы большевиков.

Решить эту проблему простым образом попытались Сталин и все остальные теоретики социализма этого толка. И нельзя сказать, что в данном вопросе в каком-то смысле они были неправы. Действительно, согласно теории, социализм есть общество не стихийно развивающееся, а сознательно и планомерно улучшающееся в соответствии с определенными этическими представлениями и духовными ценностями. Как писал Герцен, «новое общественное устройство» должно быть «сообразно с потребностями разума» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 164). Можно представить такую высокую степень развития общества, когда действительно все основные его параметры будут сознательно (планомерно) устанавливаться и управляться из одного центра и когда государственная собственность действительно перерастет в общенародную, то есть потеряет качества собственности. Но все это должно происходить не в слаборазвитой стране, которой еще предстоит пройти стадию индустриального развития, а уже в постиндустриальный период. Суть вопроса заключалась в том, что марксистская теория рассматривает социализм как посткапиталистическое общество, – то, что сегодня можно трактовать как постиндустриализм. Сталин же социалистическую теорию вслед за народниками прикладывал к России сразу после 1917 года. К России, которая только что подорвала основы феодальных отношений и которая реально никак не могла рассматриваться в качестве посткапиталистического (постиндустриального) общества. Могла ли Россия таким манером опередить историю?

Это несоответствие и внесло теоретическую путаницу, когда этические ценности социализма пытались приложить к неадекватной им материальной основе. Поэтому одни деятели, типа Сталина, свои собственные представления пытались силой навязывать обществу, другие, принимая усилия Сталина за действительную реализацию действительной марксистской теории социализма, считали, что ни то, ни другое не соответствует потребностям общественного развития. К последним можно отнести почти всех так называемых «буржуазных» интеллектуалов, которым справедливо не нравился сталинский социализм. Я бы к таким интеллектуалам отнес и самого Герцена. Но при этом они почему-то безоговорочно поверили Сталину в том, что при нем в СССР действительно был построен социализм. Тем самым все эти мыслители оказались методологическими сталинистами.

Таким образом, «русский социализм», корнями своими уходящий в теорию Герцена, сформировался как параллельное капитализму общество, как альтернатива, которую «сознательные рабочие» в лице их вождей могли выбрать в противовес капитализму и тем самым опередить историю. Но, оказывается, не только рабочие, а даже и крестьяне. «Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, – писал, например, Сталин. – Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелкотоварное. А что такое мелкотоварное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутье между капитализмом и социализмом. Оно может развиваться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата» (Сталин, 1947. С. 148). Вот, видимо, кто был наиболее активным, после Герцена и народников, автором теории социальных альтернатив в отечественной литературе. Для марксизма это действительно новаторское положение. Ни у кого из марксистских писателей до Сталина такую конструкцию как серьезный вывод встретить невозможно, ибо это

было типично народническое положение. Так, например, Г.В. Плеханов специально отмечал этот момент: «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию» (Плеханов, 1992. С. 51). По Сталину выходит, что и крестьянство могло от мелкого частного производства сразу перепрыгнуть в социализм, даже минуя организационную стадию крупного производства. Если такая стадия и предусматривалась большевиками (к примеру, так называемый кооперативный план Ленина), то это еще не означало, что кооперированный частный крестьянин становится социалистическим производителем. Для этого ему нужно было пройти длительный путь экономического (в том числе технологического) и культурного развития. В любом случае, крестьянин, выходящий или сбрасывающий с себя феодальные отношения, не может оказаться перед дилеммой – шагнуть ему в капитализм или в социализм. Герцен, как мы видели, был логичнее – он сохранял общину.

Частный или кооперированный крестьянин, конечно, не капиталист. Но частно-крестьянское производство (если оставить в стороне исключительно натуральные хозяйства) прекрасно укладывается в понятие буржуазного способа производства, когда продукт производится именно и только для продажи, для получения прибыли, для наживы. Это нормально и естественно для того экономического состояния общества, которое воспроизводит массу крестьянских хозяйств. Мелкие и семейные крестьянские хозяйства, повторю, не есть капиталистические предприятия, так как основу их существования составляет собственный труд, а не наемный. Но, тем не менее, это – буржуазные хозяйства, преследующие цели рационального экономического поведения, что ничего общего не имеет с социалистическими императивами. Это стадия мелкого, частного производства и требовать от нее прыжка в социализм просто нелепо. Даже кооперация крестьянства не спасает дела. Кооперация как таковая предусматривает сохранение частного интереса и частной собственности производителя. Кооперация не устраняет частного, а объединяет некоторые функции его хозяйственной деятельности. Уберите частную собственность (или частный интерес), тогда и нечего будет кооперировать.

Любопытно, что теория альтернативности истории вдруг стала модной в период горбачевской перестройки. Многие идеологи делали вид (или в самом деле так думали), что в конце 1980-х годов СССР имел равные альтернативы развития в любом подходящем направлении. Одним из наиболее активных «альтернативщиков» тех времен был крупный советский историк П.В. Волобуев, который пытался эту теорию развивать, так сказать, на историческом материале. По необходимости, ему пришлось трактовать исторический материализм совершенно в сталинском духе: «Социализм и капитализм, – писал Волобуев, – это два альтернативных типа социально-экономического развития и общественно-экономического устройства, соответствующие современной системе производительных сил» (Волобуев, 1987. С. 35). Ему вторит и более современный историк, в следующих словах: «Расстановка политических сил после падения царизма открывала перед страной альтернативу: идти буржуазно-реформистским путем в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания, которому предстояло сделать окончательный выбор политической системы, или пролетарско-революционным путем – к социализму» (Трукан, 1994. С. 17). Эта трактовка по сути дела полностью переворачивает социальную теорию, в частности марксизм. А другой теории для объяснения этого случая просто не существует.

Герценовскую теорию опережающего развития на основе сохранения крестьянской общины в этот период (конец 1980-х годов) никто уже серьезно не рассматривал. Теория альтернативности истории (или социально-экономических альтернатив,

как любили говорить политэкономы тех лет) как бы родилась заново в горбачевскую перестройку. Так, академик Л.И. Абалкин писал, что «концепция идеальных форм общественного устройства, неразрывно связанная с представлениями о линейной заданности прогресса» сегодня «теоретически и исторически изжила себя... Ей на смену приходят представления об альтернативности и многовариантности общественного прогресса, о целом «пучке» присущих ему направлений и форм... У человека разумного есть шанс выбрать...» (*Абалкин, 2002. С. 32–33*). А вот что писал Герцен за 150 лет до этого: «В истории все импровизация, все воля, все *ex tempore*, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога, – а где ее нет, там ее сперва проложит гений» (*Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 36*). Видимо, Абалкин забыл про Герцена, а то бы поостерегся писать, что теория альтернатив приходит на смену теории заданности общественного прогресса и что разумный гений имеет шанс выбрать правильный путь. Так, Сталин у нас выбрал колхозы и Гулаг, Хрущев кукурузу, Горбачев перестройку и т.д. Теория гениев, которые могут выбирать наилучшие общественные формы, имеет в России очень давнюю традицию, но она мало что может объяснить.

Согласно теории исторических альтернатив, капитализм и социализм – не последовательные стадии общественного развития, а параллельные. То есть кто-то умный («разумный гений») в обществе после феодализма может запросто выбрать путь развития: или в сторону капитализма, или в сторону социализма. Сразу же появляется и новый вариант. Если имеется такой умный, то, может быть, он выбирает путь развития сразу в коммунизм или еще куда-нибудь получше. А если у этого умного ничего не получится, то придется ему силой заставить народ верить, что все получается в точном соответствии с начертанными партией планами. Так, собственно, и делал Сталин. Так и Волобуев, по существу, развивает сталинскую версию исторического процесса.

Наконец, Волобуев дает и историческую формулу: «Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнув царизм, открыла перед Россией различные, в том числе альтернативные, возможности политического и социально-экономического развития. Вопрос встал так: пойдет ли она буржуазно-реформистским путем к капитализму, свободному от остатков феодализма, или пролетарски-революционным путем – к социализму?» (*Волобуев, 1987. С. 150*). Этот пассаж прямо как бы списан из какой-либо герценовской работы. Но про Герцена тогда забыли, и все хорошо помнили работы Сталина, который действительно создал великую индустриальную державу. И почему-то верили, что в СССР был социализм и Сталин развивает марксизм. В реальной жизни всего этого не было, как и не было действительной марксистской теории в сталинизированном обществоведении. В самом деле, никакая партия или диктатура не поможет, например, малышу после детского сада выбрать достойную альтернативу – шагать ли в первый класс средней школы или сразу на первый курс университета. Очевидно, что такая альтернатива выбора пути развития после революции 1917 года, то есть развития после феодализма к социализму или капитализму, находилась в явном противоречии с реальной действительностью, с формационным или стадийным подходом.

Рассматривая проблему альтернативности, часто не различают альтернативы социально-экономического развития и социально-политические альтернативы, которые, по сути, есть специфическая форма объективного исторического процесса. Рассмотрим это на примере альтернативности социально-экономического развития России в 20-е годы прошлого века.

Было бы очень просто, а потому и неверно считать, что в 1920-е и 1930-е годы в России существовали два направления (альтернативы) социально-экономического развития: одно сталинское, другое троцкистское. Можно, конечно, выделять и другие

направления (например бухаринизм или еще что-то), но суть не в количестве альтернатив, а были ли они вообще. Причем речь идет об альтернативах социально-экономического развития, развития экономики, а не политических альтернативах выбора того или иного курса. Политические альтернативы, конечно, всегда есть. Но, как правило, побеждает лишь та политическая альтернатива, которая наиболее последовательно и адекватно отражает социально-экономические, объективные потребности развития общества. То есть объективная составляющая экономического развития в современном мире одна, она безальтернативна. Если, конечно, речь идет о развитии общества (социально-экономического организма), а не о его разрушении и уничтожении.

Но вот угадать эту объективную экономическую составляющую или выйти на «закон естественного развития» довольно трудно. Далеко не каждой социальной и политической силе, группировке или партии это удастся. Как правило, это получается у прогрессивных политических сил, потому-то их и называют прогрессивными. Так, буржуазная партия (или партии) времен Великой французской революции «напала» на объективный закон исторического развития, закон неизбежной смены феодального способа производства буржуазным, наилучшим образом отразила или выразила эту общественную потребность. Потому эта буржуазная партия на заре капитализма рассматривается как прогрессивная политическая сила, которая выбрала не лучшую из возможного альтернативу развития, а единственно возможную. То есть среди различных политических стратегий, где действительно существовали альтернативы, французская буржуазная партия предложила такую стратегию, которая оказалась ближе всех других к истине, к объективной потребности развития общества.

Так же и большевики в 1917 году предложили обществу политическую стратегию, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но вот уже политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и Гражданской войны, оказалась политической стратегией, которую общество не приняло, и от этой политики после окончания Гражданской войны пришлось отказаться. Вот уже здесь мы видим, как не работает теория социально-экономических альтернатив. Большевики очень не хотели переходить к нэпу, это был серьезный кризис для многих коммунистов. Известно, что Троцкий еще в 1920 году предложил некоторые меры в духе нэпа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. То есть объективный ход вещей, объективная составляющая экономического развития потребовали перехода к нэпу, и большевики пошли на этот переход, даже вопреки своим идеологическим установкам. Поэтому Ленин и говорил о нэпе как отступлении, самотермидоризации.

Те же законы экономического развития действовали и все последующие годы и предопределяли социально экономическую стратегию. Эту стратегию лучше или глубже всего выразила левая оппозиция. Она, как известно, состояла в проведении индустриализации и максимально возможном развитии промышленности, а уже на этой основе развитии сельского хозяйства и последующей его коллективизации. Сталин и Бухарин в середине 1920-х навязали стране другую политическую альтернативу, которая к концу 1920-х потерпела полное поражение. Таким образом, были две политические альтернативы (для данного рассмотрения ограничимся только этими двумя), и только одна из них оказалась «истинной», то есть более адекватно отобразила объективную необходимость социально-экономического развития страны. И этой «альтернативой» была социально-экономическая стратегия именно левой оппозиции.

Поэтому совершенно естественно, что после краха сталинско-бухаринского политического курса Сталин перешел на тот курс, который еще с начала 1920-х годов предлагала левая оппозиция. Но в силу многих обстоятельств Сталин все это преподнес в извращенной политической и даже организационной форме. В чем-то это естественно. Запаздывание в изменении политической стратегии ведет к тому, что возврат к

требованиям объективного процесса детерминированности вызывает значительные издержки и перерасход ресурсов.

Совсем другое дело принимать сталинскую политическую форму этой стратегии, которую он проводил в совершенно искаженном виде, за само содержание стратегии. Надо различать форму исторического процесса и его содержание (или сущность). Содержание стратегии левой оппозиции состояло в создании из полуколониальной России экономически развитого и самостоятельного государства. Политическая форма при этом предполагалась как социалистическая и демократическая. Лидеры левой оппозиции начали, как известно, с требований восстановления внутривластной демократии. Сталин навязал совершенно иную политическую форму – тоталитарную диктатуру самого себя. В этом смысле он мало бы отличался, например от Л. Корнилова.

Таким образом, следует говорить о социально-политических альтернативах, но не об альтернативном курсе социально-экономического развития. Если бы осуществилась политическая альтернатива левой оппозиции, результат экономического развития был бы иной, не в том смысле, что индустрия была бы развита в два раза больше или что совершилась бы мировая революция. Нет. Иной результат развития СССР состоял бы в том, что для трудящихся классов общества были бы созданы значительно лучшие условия жизни во многих отношениях.

«Русский социализм» не есть марксистский социализм в строгом смысле слова. Это теория, созданная еще народниками с опорой на Герцена и развитая большевиками для объяснения феномена послереволюционного развития России, которая вобрала, наряду с некоторыми элементами марксизма, также и исконно русские исторические традиции общественной мысли (своеобразно переварив известную «русскую идею»). Но при этом данная теория обслуживала развитие сугубо буржуазных отношений (индустриализация, даже стахановское движение, хозрасчет и т.п.). Ибо основой советского «русского социализма» были чисто прагматические экономические потребности.

Однако, если внимательно читать Герцена, то проблема альтернативности истории не представляется такой уж нелепой. В целом, думается, такой подход в теоретическом плане достаточно плодотворен. Его следует обращать не в прошлое, а в будущее. Видоизменять мир и совершенствовать общество в лучшую сторону можно будет тогда, когда в обществе появятся для этого соответствующие экономические и культурные условия. Если бы не было 1991 года, то можно было бы держаться сталинской формулы и ждать, когда советский социализм разовьется в некоторые приличные формы. Но мы не дождалась, и этот «социализм» рухнул. Потому и встают вопросы о природе «русского социализма».

В самом деле. Если советское общество считать социалистическим, то как объяснить его развал в 1991 году? Говорить о чьей-то личной предательской роли или влиянии зарубежных спецслужб всерьез не приходится, ибо гэкачепистов в августе 1991-го народ в массе своей не поддержал, скорее даже наоборот. Да и невозможно совершать крупные социальные перевороты путем тайных заговоров в такой громадной стране, как Россия. Не то время и не та страна. Поэтому следует искать серьезные причины и находить серьезные ответы. Если признавать, далее, что сегодня в России «строится капитализм» и формируется буржуазное общество, то как это совместить с социалистическим характером революции 1917 года? Это выглядело бы так же нелепо, как если после французской революции конца XVIII века и 70-ти лет господства буржуазного строя, где-то в конце XIX столетия Франция вдруг принялась бы «строить феодализм». Согласно классическому марксизму, следует выбирать одно из двух: или признать, что и сегодня в России существует социализм (что очевидно нелепо) или отказаться от трактовки советского общества как социалистического по своему характеру в марксистском смысле.

Сталин не отказывался от трактовки СССР как социалистической страны (даже наоборот), но он изменил марксизм в одном пункте. А именно, он утверждал, что социализм можно построить в отдельной стране, к тому же совсем не самой экономически развитой. Объективизируя ситуацию, наверное, можно предположить, что Сталин самым ходом вещей был поставлен в следующее положение: с одной стороны, необходимо было внушать и поддерживать в людях уверенность, что можно построить хорошее (то есть социалистическое) общество вне зависимости от мировой революции и мирового рынка; с другой стороны, надо было связывать это строительство с учением и деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина, а именно, с теми лозунгами и идеями, которые были провозглашены в начальный период Русской революции. И наверное, это было самое простое и доступное практическое решение. Данное обстоятельство питает многие современные теоретические построения, которые откровенно перечеркивают исторический материализм, и, стало быть, возвращают нас к герценовской теории социализма.

В этих условиях усилился поиск более удовлетворительных концепций исторического развития. Приобрел моду и набирает все больше популярности так называемый цивилизационный подход, который во главу угла кладет исторические, географические (даже психологические и биологические) особенности каждой страны, каждого народа.

В чем суть цивилизационного подхода? Так, Л.И. Абалкин пишет: «Цивилизационный подход в отличие от формационного не делит цивилизации на передовые и отсталые, худшие и лучшие. Они просто разные. И это имеет принципиальное значение» (Абалкин, 2002. С. 5). Применительно к Герцену и его теории социализма это можно сформулировать как понимание социализма сугубо националистически или периферийно. Например В.А. Волконский пишет: «В определенном смысле можно сказать, что социализм – это способ существования незападных стран» (Волконский, 2001. С. 47–48). То есть социализм, согласно такой точке зрения, не социальное понятие, а географическое. Это просто, если проблема не решается в рамках традиционной и естественной для нее науки, тогда давайте эту проблему перенесем в другую науку. Но так проблему можно «смазать», «закрывать», но не решать. Здесь мы видим беспомощность отечественного обществознания в его лучших представителях справиться с запутанностью идеологий XX века, прикладываемых к России.

Какова логика рассуждений такого типа? Эта логика примерно такова. Капитализм, который навязывается сегодня России прозападными либералами, ужасен. Поэтому все или почти все западные учения не годятся. Советский социализм, хоть и имел известные недостатки и не по всем пунктам совпадал с классическим учением К. Маркса, был все же много лучше нынешнего криминального капитализма. Отсюда вывод: значит, для России нужен особый социализм, который не обязательно вытекал бы из марксизма и детерминировался развитием производительных сил общества, а определялся главным образом национальными, культурными и духовными особенностями народа.

Научно объяснить строительство социализма в экономически и культурно отсталой России не получится. А вот идеологически объяснить можно: Россия, мол, представляет такую цивилизацию, где строительство социализма «не по Марксу» вполне вероятно. Иначе получается двусмысленность. Получается, что социалисты незападных стран со слабым развитием капитализма вместо того, чтобы бороться с капитализмом, должны были бы помогать развитию капитализма в собственных странах. Это, конечно, верная логика. По этой логике науку, прежде всего марксистскую, надо отбросить и творить новое общество исходя из идеологии, то есть в данном случае из пустого желания. Что из этого может выйти, мы уже знаем.

Авторы, которые увлекаются цивилизационным подходом, полагают, что русская цивилизация характерна типичными образцами русского купца, «способного легко прокутить, проиграть огромное богатство». «Нехватка честных предпринимателей – это

глубокая черта русской цивилизации» (Волконский, 2001. С. 43). В этой вороватости ничего русского нет. Еще Маркс писал о капиталистах, готовых пойти на любое преступление, если будет достойный процент. Но, введя вороватость в черту русской цивилизации, автор тем самым говорит, что русский капитализм генетически будет криминальным. Поэтому нужна сильная рука (государство), которая наведет порядок. И все это можно будет назвать «восточным социализмом». Авторам, которые цивилизационные особенности страны принимают за главный фактор развития и ищут особые пути для каждой страны, хорошо ответил О.Ю. Мамедов: «Не верящим в существование объективных экономических законов, не допускающим и мысли о единстве экономического устройства общества на определенной ступени его естественноисторического движения, в экономической науке делать нечего. Их участь – воспевание „особого пути“ и карканье о гибельности шагания по „столбовой дороге человечества“ (Мамедов, 2013. С. 136). Сказано резко, но колоритно и точно. Цивилизационный подход отрицает объективные законы развития, тем самым отрицает вообще научный подход и наука как таковая.

«Преимущества» отсталости

Да, Герцен противоречив, а концепция отсталости как преимущества, пожалуй, самое противоречивое место в его теории опережающего развития. Казалось бы, у Герцена все логично и складно. Отсталая, но молодая страна, благодаря особым своим свойствам и интеллекту лидеров, вдруг вырывается вперед и опережает старые промышленные страны Европы в экономическом и культурном развитии. В советское время такой оборот мысли не выглядел подозрительным и не вызывал много вопросов, ибо пример СССР вроде бы и служил хорошей иллюстрацией для этой теории. Сегодня мы свидетели того, что ничего не получилось. Хотя, конечно, что-то получилось. СССР догнал западные страны в индустриальном развитии, но опередить их так и не смог. Россия опять периферийная страна, и на Европу мы продолжаем смотреть точно так же, как об этом писал Герцен 150 лет назад.

Герцен, конечно, был самым умным, кто полагал, что понятая, так сказать, осознанная отсталость в общественном развитии может оказаться преимуществом. Но и сегодня есть много грамотных, умных и очень знающих людей, которые думают точно так же. Ход их мысли следующий. Страна, запоздавшая в своем развитии, совсем не обязана в точности повторять все зигзаги и ошибки пути, пройденного передовой страной. Отсталая страна, зная и понимая все промахи исторического пути передовой страны, может все учесть и постараться избежать многих ошибок и нелепостей. Путь у отсталой страны может получиться прямее и короче. В пример часто приводят Японию, которая после Второй мировой войны, заимствуя самые передовые технологии стран Запада и не повторяя их длинный путь научно-технического развития, сразу вырвалась в мировые лидеры. Вырваться-то она вырвалась, но никого не опередила. Даже на примере Японии отчетливо видна уязвимость теории опережающего развития.

Теоретически, абстрактно беря вопрос, возможно, это верно. Трудно сказать, первым ли писал так Герцен, но он очень ясно и хорошо об этом писал. Вот он ставит вопрос: «Есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы antecedенты ни имел, должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.? Или оно само – частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными, вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и отклонениях» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 170). И дальше: «Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленями через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в

самом деле, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно?» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 176).

Вот тут, откровенно говоря, кроется проблема или отгадка русского пути и русской идеи. Дело в том, что объективные экономические условия развития России были иные, чем в Европе. И в силу этого и некоторых других обстоятельств Россия в своем экономическом и культурном развитии сильно отставала от передовых европейских стран. А вот социальная мысль находилась на уровне европейской. Многие русские социальные мыслители XIX века прекрасно знали европейскую литературу, тесно общались с европейскими учеными (учились в их университетах, переписывались, дружили и т.д.), были, так сказать, европеизированы. Но социально-экономическая жизнь России той эпохи была феодальная. Головой они были в Европе, а задом в России. И зад, естественно, перевешивал. Но очень хотелось быстрее пройти этот путь. Как заметил Л.Д. Троцкий, «страшил длинный путь от бескультурности и бедности нашей до тех целей, которые наметила мысль европейская» (Троцкий, 1990. С. 205). И марксизм появился в России как западное учение, которое вроде бы открывало путь развития через капитализм в будущее состояние общества. Как же тут не захотеть быстренько проскочить этот путь, если уже известно – куда надо бежать?

Но марксизм считал, что перескакивать через этапы исторического развития невозможно. Зная наперед опыт передовых стран, можно несколько сгладить резкие повороты и зигзаги, «можно сократить и облегчить мучения родов» (Маркс, Энгельс, 1955–1975. Т. 23, с. 7–8), но большие исторические этапы миновать никак нельзя. На это стремление сторонников Герцена «сократить путь к социализму» Плеханов ответил, что они не задумывались «над вопросом о том, через какие именно местности пролегает этот исторический проселок и кто же именно поведет им русский народ» (Плеханов, 1956–1958. Т. 1, с. 138).

«Что европейские гражданские формы, – пишет Герцен, – были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можем стать на свои ноги и, вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 154–155). Вот это: очень хочется перескочить «через класс». Этот мотив был типичным во всех построениях последующих народников. Так, В.П. Воронцов писал в 1882 году: «Наша особенность состоит в том, что мы после других выступили на путь прогресса... Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены и которые придется им опять завоевывать» (Воронцов, 2008. С. 302). Иными словами, мы должны быть счастливы тем, что мы отстали.

Поэтому общий вывод Герцена весьма утопичен и даже, можно сказать, фантастичен. «С самого начала наш естественный, полудиккий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германороманского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, – для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, – мы идем навстречу социализму...» (Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 204). На все это Троцкий заметил: «Раз объявив отсталость и варварство за величайшее историческое преимущество славянства над миром старой европейской культуры, Герцен доходит до самых крайних и рискованных выводов...» (Троцкий,

1990. С. 203). Действительно, Герцен считал возможным, что союз славянских народов освободит Европу от мещанства. И на этом основании приветствовал объединение славян даже под эгидой русской империалистической политики самодержавия.

Наконец, сделаем общий вывод по этой теме. Отсталость в какой-то мере может быть преимуществом, если речь идет о технической сфере. В век электричества и локомотивов в железнодорожном деле совсем не обязательно молодой и свежей стране проходить стадию паровой тяги. Если эта страна в свое время не обзавелась паровозным парком, то сегодня вовсе не нужно повторять весь путь технического прогресса и заводить паровозы. Можно, и даже лучше, перескочить сразу к электричеству. Так делали и делают многие страны.

Некоторые наши интеллектуалы преимущества отсталости и усматривают в этом технологическом аспекте. Так, С.Ю. Глазьев на этой основе строит свою стратегию опережающего развития России. Логика его рассуждений предельно проста. Догоняющая страна меньше обременена устаревшими производственными фондами и ей легче развить элементы нового технологического уклада. «Успех более вероятен, – пишет Глазьев, – когда удастся добиться опережения еще в эмбриональной стадии развития нового технологического уклада». И далее заключает автор: «Не хватает только активной научно-технической политики государства» (Глазьев, 2011. С. 355, 357). Но вот в этом-то и все дело. Почему нет такой политики? В России ее сегодня нет по разным причинам. Главная состоит в том, что господствующая экономическая идеология приоритет отдала рыночному саморегулированию, а рынок в отстающей стране ориентируется на более дешевые зарубежные инновации. Частный производитель не хочет тратиться на освоение нового технологического уклада. Государство, конечно, может мобилизовать ресурсы и освоить новый уклад. Но таким образом можно в лучшем случае только догнать передовые страны. Ведь для опережения нужны по-новому подготовленные люди и решение большого круга социальных проблем.

Совсем другое дело социальный прогресс. Нужно время, и немалое, чтобы поднять все население страны или его большинство до культурного уровня передовых стран. Но за это время передовые страны тоже спать не будут; там также будет иметь место какое-то развитие, какой-то прогресс. Догнать их можно, и это продемонстрировал СССР. Но опередить? Вряд ли! Сам же Герцен писал: «Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям» (Герцен, 1954–1964. Т. XX, с. 583). Откровенно говоря, эта мысль Герцена правильная, но она никак не укладывается в его теорию опережающего развития.

Итак, Герцен был первым и более умным народником. Он понимает, что одно дело теоретические построения, мысленные конструкции по устройству лучшей жизни, а другое дело сама жизнь, практика. У него есть такие слова: «Мысль была и прежде нетерпелива, ей хочется сейчас, ей ненавистно ждать, – а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлит с каждым шагом, потому что ее шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положение мыслящих...» (Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 39). Теоретическая мысль опережает практику. Но ведь так и должно быть. Рассмотрим далее, что получилось у нас за 25 лет «радикальных преобразований».

Теория и практика

Реформаторы 1991 года открыто и ясно продекларировали переход к рыночной экономике, но почему-то до сих пор стесняются назвать Россию буржуазной и капиталистической страной. И действительно, таковой Россия в полном смысле сегодня еще не стала. Но насколько серьезными были эти изменения, чтобы их можно трактовать как слом старой советской системы и создание новой. Но какой? Какое определение можно применить для России в связи с распадом СССР?

Рассмотрим трансформацию экономических основ общества. В старом, «социалистическом» обществе такой основой являлась государственная собственность. Да, сегодня легализована частная собственность, и даже переименовали почти 80% предприятий из государственных в акционерные. Однако от такого переименования по существу мало что изменилось, кроме того что директора этих предприятий получили неограниченные возможности делать то, что хотят, или то, что могут. На самом деле, государство продолжает доминировать в экономике. Как замечает О.Ю. Мамедов, доля государственного имущества «составляет сегодня более 50%, а с учетом косвенного контроля – свыше 75%» (Мамедов, 2012. С. 6). В современной России, пишет А.В. Бузгалин, «за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение» (Бузгалин, 2014. С. 136). Никакой существенной разницы между оставшимися государственными предприятиями и новыми акционерными предприятиями обнаружить невозможно. Неплатежи, простои, убытки и прочее на тех и других предприятиях совершенно одинаковые. Акционерные предприятия также не создали новых классов или слоев общества. Директора, служащие, рабочие продолжают себя рассматривать в качестве государственных служащих, основные претензии предъявляют именно государству. Директор (или хозяин) убыточного акционерного предприятия не может просто распродать имущество неэффективного предприятия и высвобожденный капитал вложить в более прибыльное дело. Этот директор связан по рукам сотнями нитей, которые и составляют экономическую основу общества. То есть экономическая основа по сути дела осталась прежней, при сильной «государственной вертикали».

Социальная структура общества так же изменилась незначительно. Практически сегодня во власти находится та же самая партгосноменклатура (или их прямые дети), которая была там и в годы брежневского периода, хотя и по-другому называется. Поэтому существенной смены элиты в стране не произошло. Не появился в заметном числе класс капиталистов. Так называемый средний класс сократился после советских времен и, оставаясь заметной социальной силой, очень неоднороден. Специальные расчеты показывают величину среднего класса в пределах примерно 30% к общей численности населения (в советский период – почти 50%) (Воейков, 2014). Конечно, сегодня средний класс не очень большой и с не очень ясной перспективой. Более того, вполне можно утверждать, что какая-то часть среднего класса появилась именно благодаря реформам. Но основную его часть составляет средний класс еще советских времен (интеллигенция, специалисты народного хозяйства, офицерский состав армии и других аналогичных структур, государственные чиновники, хозяйственные руководители).

Остаются политические основы общества, которые действительно претерпели заметные изменения. Но и тут можно сделать две оговорки. Первая – пока еще не совсем ясно (после 25 лет реформирования!), где остановится процесс политических изменений. За текущие годы мы убедились, что эти политические изменения могут идти в разные стороны. Вторая – чтобы четко определить степень и направленность политических изменений, надо также четко представлять базу отсчета. А до сих пор господствуют очень поверхностные и наивные представления о социально-экономическом строе бывшего Советского Союза. Начиная с президентства В. Путина можно наблюдать пока еще в мелких и малозначительных формах реставрацию многих элементов советской системы. Конечно, риторика и форма этой реставрации иная, но содержательно идет упорный возврат прежней системы. Так что говорить, что с распадом СССР ушла в прошлое та социально-экономическая система, явно преждевременно. Советская экономическая система была сформирована не столько под влиянием какой-либо идеологии (даже наоборот), сколько под давлением объективной экономической необходимости выживания громадной страны с суровым

климатом и многочисленным разнообразным населением. Разрушиться эта система сама по себе не может. Она может сменить форму функционирования, историческую форму существования, но не свою суть. А суть ее все та же: смесь буржуазной объективности, феодальных остатков, националистической (вместо социалистической) фразеологии и импотенций (вместо интенций) социального государства. Поэтому миновать стадию буржуазности Россия никак не может.

Проблема буржуазности или мещанства занимает, пожалуй, центральное место в социальной системе. В отличие от советского периода теперь она и у нас самое больное место. Быть или не быть мещанином? Ведь в современной буржуазной России нельзя осуждать буржуазию, если она не нарушает законов, то есть ведет себя весьма прилично. И если раньше, презрительно употребляя слово «мещанин», мы называли так человека с мелкими интересами и узким кругозором, то сегодня мы должны уважать и его. Сказать русскому человеку, что он мещанин, – значит, сказать о нем что-то плохое, оскорбить его. И эта формула почему-то крепко въелась в наши души, воспитанные поначалу русской литературой XIX века, а потом советской идеологией: быть мещанином плохо. А почему? Это же человек, хотя он и мелок.

В русской литературе можно встретить, когда в противоположность мещанству оправдывается, даже воспевается мотовство, расточительность и роскошь. «Расточительность, мотовство не разумно, – пишет Герцен, – но не подло, не гнусно. Оно потому дурно, что человек ставит высшим наслаждением самую трату и негу роскоши; но его неуважение к деньгам скорее добродетель, нежели порок» (Герцен, 1954–1964. Т. II, с. 375). Или вот такая его фраза: «Помещичья распущенность, признаться сказать, нам по душе; в ней есть своя ширь, которую мы не находим в мещанской жизни Запада» (Герцен, 1954–1964. Т. IX, с. 154). Но ведь элементарное мещанство, бережливость и даже крохоборство, лично на мой взгляд, куда лучше «помещичьей распущенности» и других излишеств феодализма, азиатчины и рабства.

Что, вообще говоря, плохого в мещанстве или мелкой буржуазии? Ну и что, если у человека узкий кругозор и неглубокие интересы? Если он никому никакого вреда не делает, то и пусть живет себе в радость! Неужели «помещичья ширь» и мотовство лучше? Не всем же быть героями, кто-то же должен ежедневно делать мелкую, рутинную и часто противную работу. Ведь надо же ежедневно мыть посуду и убирать мусор, то есть заниматься сугубо мещанской (буржуазной) деятельностью. Тут незачем проявлять широту взглядов и героизм, тут нет места романтике. Даже Герцен признает некоторые достоинства мещанства: «Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержана, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба – в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. Это огромный шаг вперед, но вовсе не артистический» (Герцен, 1954–1964. Т. XVI, с. 136). Конечно, артистизма тут мало, зато есть мясо. И ведь это очень хорошо. Таким образом, буржуазная стадия развития есть громадный шаг вперед по сравнению с предшествующими стадиями.

Вопрос: на какой стадии находится сегодня Россия и почему ей надо бояться буржуазности? Ведь когда-то надо пройти буржуазную стадию развития. И понимая все негативные стороны этой стадии, можно сделать этот процесс планомерным и управляемым. В противном случае страна так и не выберется из пут феодализма.

ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л.И. (2002). Россия. Поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука.

Антонов М.Ф. (2008). Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации.

Аузан А.А. (2014). Эффект колеи. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // *PostНаука*, 31 октября ([http:// postнаука.ru/longreads/35754](http://postнаука.ru/longreads/35754)).

Бузгалин А.В. (2002). Шансы России в глобальной неэкономике. Цели и средства реализации стратегии опережающего развития. М.

Бузгалин А. (2014). Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // *Свободная мысль*, № 1 (1643).

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1999). Стратегия опережающего развития для России XXI века / В кн.: *Стратегия опережающего развития для России XXI века*, т. 1. М.: Диалог-МГУ.

Булгаков С.Н. (2006). Душевная драма Герцена / В кн.: *Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903*. М.: Астрель.

Воейков М. (2014). Средний класс в динамике постсоветских трансформаций / В кн.: *Бузгалин А., Трауб-Мерц Р., Воейков М. (ред.) Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса*. М.: Культурная революция, с. 253–265.

Волконский В.А. (2001). Социализм в ракурсе теории цивилизаций // *Альтернативы*, № 1.

Волбуев П.В. (1987). Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.

Воронцов В.П. (2008). Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель.

Герцен А.И. (1954–1964). Собр. соч. в 30 тт. М.: Изд-во АН СССР.

Глазьев С.Ю. (2011). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / В кн.: *Бузгалин А.В., Крумм Р. (ред.) Стратегия опережающего развития – III*, т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы. М.: ЛЕНАНД.

Зеньковский В.В. (1991). История русской философии, т. 1, ч. 2. Л.: ЭГО.

Ленин В.И. (1968). Полн. собр. соч., т. 21. М.: Политиздат.

Луначарский А.В. (1965). Коммунисты и Герцен / В кн.: *Луначарский А.В. Силуэты*. М.: Молодая гвардия.

Малия М. (2010). Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Изд. дом «Территория будущего».

Мамедов О.Ю. (2012). Какая экономическая модель необходима российской экономике? // *Terra Economicus*, т. 10, № 2.

Мамедов О.Ю. (2013). Будущее политэкономии: по ту сторону псевдопрагматики и лжетеории // *Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы I международного политэкономического конгресса*, т. 1: От кризиса к социально ориентированному развитию: реактуализация политической экономии. М.: ЛЕНАНД.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955–1975). Соч., изд. 2. М.: Госполитиздат.

Милюков П.Н. (2001). История второй русской революции. М.: РОССПЭН.

Михайловский Н.К. (1995). Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство.

Плеханов Г.В. (1956–1958). Избранные философские произведения, тт. I–V. М.: Госполитиздат, Соцэкгиз.

Плеханов Г.В. (1992). Год на родине / В сб.: *От первого лица*. М.

Сталин И. (1947). Вопросы ленинизма. М.

Троцкий Л.Д. (1990). Политические силуэты. М.: Новости.

Трукан Г.А. (1994). Путь к тоталитаризму: 1917–1929 гг. М.: Наука.

Цвайнерт Й. (2008). История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Шубин А.В. (2007). Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение.

REFERENCES

Abalkin L.I. (2002). Russia. Search for self-determination. Essays. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Antonov M.F. (2008). The economic doctrine of the Slavophiles. Moscow: Institute of Russian civilization Publ. (In Russian.)

- Auzan A.A. (2014). The track effect. Path dependence problem – the evolution of hypotheses. *PostNauka*, October 31 ([http:// postnauka.ru/longreads/35754](http://postnauka.ru/longreads/35754)). (In Russian.)
- Bulgakov S.N. (2006). Herzen's moral drama / In: *Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895–1903*. Moscow: Astrel Publ. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. (2002). Russia's chances in the global neoeconomy. The objectives and means of implementing the strategy of advanced development. Moscow. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. (2014). Late capitalism: capital, worker, creator. *Svobodnaya mysl*, no. 1 (1643). (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (1999). Advanced development strategy for Russia in XXI / In: *Advanced development strategy for Russia in XXI*, vol. 1. Moscow: Dialogue-MSU Publ. (In Russian.)
- Glazyev S.Yu. (2011). The strategy of advanced development of Russia under the global crisis / In: *Buzgalin A.V. and Krumm R. (eds.) The strategy of advanced development – III*, vol. 1: Russian modernization: diagnoses and predictions. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Herzen A.I. (1954–1964). Collected works in 30 vols. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian.)
- Lenin V.I. (1968). Works, vol. 21. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Lunacharsky A.V. (1965). Communists and Herzen / In: *Lunacharsky A.V. Images*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian.)
- Maliya M. (2010). Alexander Herzen and the origin of Russian socialism. 1812–1855. Moscow: Publishing House «Territory of future [Territoriya budushchego]». (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2012). Which economic model does fit to the Russian economy? *Terra Economicus*, vol. 10, no. 2. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2013). Future of political economy: beyond the pseudo pragmatics and false theory. *Political economy: social priorities. Proceedings of the First International Congress of political economy*, vol. 1: From crisis to people-centered development: political economy reactualization. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Marx K. and Engels F. (1955–1975). Works, 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian.)
- Mikhailovsky N.K. (1995). Literary criticism and memories. Moscow: Iscusstvo Publ. (In Russian.)
- Milyukov P.N. (2001). History of the Second Russian Revolution. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.V. (1956–1958). Selected philosophical works, vols. I–V. Moscow: Gospolitizdat, Sotsekgiz Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.V. (1992). A year at home / In: *Narratives from the first person*. Moscow. (In Russian.)
- Shubin A.V. (2007). Socialism. «Golden Age» of the theory. Moscow: Novoye literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian.)
- Stalin I. (1947). Issues of Leninism. Moscow. (In Russian.)
- Trotsky L.D. (1990). Political profiles. Moscow: Novosti Publ. (In Russian.)
- Trukan G.A. (1994). The path to totalitarianism: 1917–1929 гг. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Tsvaynert J. (2008). The history of economic thought in Russia. 1805–1905. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Voeykov M. (2014). The middle class in the dynamics of post-Soviet transformation / In: *Buzgalin A., Traub-Merz R. and Voeykov M. (eds.) Inequality of income and economic growth: an strategy of the crisis overcoming*. Moscow: Cultural Revolution [Kulturnaya revolyutsiya] Publ., pp. 253–265. (In Russian.)
- Volkonskiy V.A. (2001). Socialism from the perspective of the theory of civilizations. *Alternatives*, no. 1. (In Russian.)

-
- Volobuev P.V.* (1987). The choice of ways of social development theory, history, modernity. Moscow. (In Russian.)
- Vorontsov V.P.* (2008). The economy and capitalism. Selected Works. Moscow: Astrel Publ. (In Russian.)
- Zenkovsky V.V.* (1991). The history of Russian philosophy, vol. 1, part 2. Leningrad: EGO Publ. (In Russian.)